



На лугах. 1957 год

Виктор Кузин:

— 31 декабря 1945 года я поступил в госпиталь Киева — уже год, как после тяжёлого ранения меня переводили из одного места в другое. А 1 января 1946-го в нашу палату на 20 человек поселили ещё одного раненого, из штрафников. Вслед за ним принесли две связки книг. Я, деревенщина неотёсанная, кинулся к ним. Открыл одну: не по-нашему написано. Другую — то же. «Интересуетесь книгами?» — спросил меня этот человек, ничуть не рассердившись. Так мы подружились. И с самого утра до позднего вечера всё время, пока лежали в этом госпитале, а это примерно полгода, мы разговаривали. Мне тогда было 19 лет, а ему 43. У него не только фамилия была необычная — Царевич, вся его жизнь была очень интересной. Он был из дворян, работал в одной из восточных стран резидентом разведки, знал шесть языков, в 1937 году, конечно, был репрессирован и в войну попал в штрафбат. Он меня всему обучил и столько всего интересно рассказывал! Помню, как-то сидели с ним на улице и он, отвернувшись от дорожки, рассказывал мне, кто там идёт. Вот, к примеру, говорит: «Идёт молодая худощавая девушка, блондинка». И действительно всё угадывал, даже не знаю как — по звуку шагов, что ли? Вот он-то мне и сказал, что я должен стать художником.

— Вы показали ему свои работы?

— Нет, у меня в госпитале не было возможности рисовать. Да и карандашей там не было!

— То есть он это сказал «по звуку шагов»?

— Он сказал, что у меня образное мышление и, значит, я могу стать хорошим художником. Там, кстати, в Киеве, меня прослушали его родственники и сказали, что я даже могу поступить в консерваторию, но Сергей Царевич мне сказал, что там среда не очень благополучная.

Здесь нужно обязательно добавить, что по социальному положению Виктор Кузин — из крестьян Владимирской области. Он помнит, что его дед спал в домовине. На фронт он ушёл после девятого класса, так что, как говорится, ничто не предвещало.